

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.85

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-87-100>

Значение нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности для наступления общеправовых последствий совершения лицом преступления

К. Н. Карпов¹✉, А. А. Нечепуренко¹

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
пр-т Комарова, д. 76, г. Омск 644092, Российская Федерация

✉ e-mail: kkn83@mail.ru

Резюме

Актуальность. Неоднократные обращения в Конституционный суд Российской Федерации об оспаривании конституционности положений различных нормативных правовых актов, содержащих правоограничения и запреты в отношении лиц, ранее подвергнутых уголовному преследованию, позволяют констатировать наличие системных упущений в формировании самостоятельной группы мер социального контроля за лицами, совершившими преступление.

Цель – разработать правовые средства устранения противоречий уголовного и отраслевого законодательства.

Задачи работы состояли в анализе содержания нормативных правовых актов, предусматривающих установление общеправовых ограничений для лиц, совершивших преступления, а также решений Конституционного суда РФ, касающихся указанных положений.

Методология. В работе были использованы общенаучный диалектический метод исследования социальных явлений, а также ряд частнонаучных методов (формально-юридический, социологический и др.)

Результаты. Анализ предписаний Конституции Российской Федерации, уголовного законодательства, отдельных нормативных правовых актов, правоприменительной практики позволил авторам выявить ряд проблемных вопросов определения правовой природы так называемых общеправовых последствий совершенного преступления, констатировать отсутствие системности при определении законодателем критериев, сроков и содержания указанных правоограничений.

Выводы. Авторами сформулированы предложения по созданию в уголовном законодательстве самостоятельного института, регулирующего основания, порядок применения и прекращения некарательных правоограничительных мер в отношении лиц, совершивших преступление.

Ключевые слова: социальный контроль; уголовная ответственность; нереабилитирующие основания; наказание; меры безопасности.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Карпов К. Н., Нечепуренко А. А. Значение нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности для наступления общеправовых последствий совершения лицом преступления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 87–100. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-87-100>.

Поступила в редакцию 22.08.2023

Принята к публикации 25.09.2023

Опубликована 30.10.2023

The Significance of Non-Rehabilitative Grounds for Exemption from Criminal Liability for the General Legal Consequences of Committing a Crime by a Person

Kirill N. Karpov¹ ✉, Alexey A. Nechepurenko¹

¹Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
76 Komarova Ave., Omsk 644092, Russian Federation

✉ e-mail: kkn83@mail.ru

Abstract

Relevance. Repeated appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation to challenge the constitutionality of the provisions of various regulatory legal acts containing legal restrictions and prohibitions in relation to persons previously subjected to criminal prosecution allow us to state the presence of systemic omissions in the formation of an independent group of measures of social control over persons who have committed a crime.

The purpose is to develop legal means to eliminate the contradictions of criminal and sectoral legislation.

The objectives of the work were to analyze the content of normative legal acts that provide for the establishment of general legal restrictions for persons who have committed crimes, as well as decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding these provisions.

Methodology. The work used the general scientific dialectical method of studying social phenomena, as well as a number of particular scientific methods (analysis, synthesis, etc.)

Result. Analysis of the prescriptions of the Constitution of the Russian Federation, criminal legislation, certain normative legal acts, law enforcement practice, it allowed the authors to identify a number of problematic issues in determining the legal nature of the so-called general legal consequences of a crime committed, to state the lack of consistency in determining the criteria, terms and content of these legal restrictions by the legislator.

Conclusions. In conclusion, the authors were able to formulate proposals for the creation in the criminal law of an independent institution that regulates the grounds, the procedure for the application and termination of non-punitive law-restrictive measures against persons who have committed a crime.

Keywords: social control; non-rehabilitating grounds; criminal liability; punishment; security measures.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Karpov K. N., Nechepurenko A. A. The Significance of Non-Rehabilitative Grounds for Exemption from Criminal Liability for the General Legal Consequences of Committing a Crime by a Person. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(5): 87–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-87-100>

Received 22.08.2023

Accepted 25.09.2023

Published 30.10.2023

Введение

Устанавливаемые действующим федеральным, а также региональным законодательством правоограничения в отношении лиц, совершивших преступления, условно подразделяются на две группы: уголовно-правовые (наказание, судимость, иные меры уголовно-правового характера), и общеправовые последствия совершения преступления (запрет

заниматься определенными видами деятельности, ограничение на прохождение государственной службы, запрет на использование пассивного избирательного права и т.д.) [1; 2]. Вторую группу зачастую в литературе именуют также общеправовыми последствиями судимости [3; 4; 5; 6], однако, на наш взгляд, данное название не вполне точно отражает основания возникновения данных правоогра-

ничений. Исходя из их содержания, они могут возникать не только в результате судимости лица (т. е. официального осуждения в рамках вынесения обвинительного приговора), но и в случаях принятия иных процессуальных решений, например, освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям [7].

При описании основания ограничения на профессиональную деятельность или права выступать усыновителем законодатель использует формулировку: «лиц, подвергавшихся уголовному преследованию» (ст. 328.1, 331, 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ); ст. 127, 146 Семейного кодекса РФ). Таким образом, законодатель не требует наличия обвинительного приговора и судимости, достаточно даже внесудебной констатации факта совершения лицом преступления¹. Между тем отожд-

ествление рассматриваемых правоограничений как порождаемых и связанных исключительно с судимостью в узком юридическом значении данного термина некорректно. Использовать общеупотребительное (неюридическое) значение судимости в данном контексте, на наш взгляд, также недопустимо. Более правильным будет вести речь об общеправовых последствиях, которые наступают в результате совершения лицом преступления. В рамках данной статьи речь пойдет как раз о тех случаях, когда правоограничение возникает даже при отсутствии судимости как таковой.

Содержание правоограничений первой группы (непосредственно уголовно-правовых) обосновывается задачами уголовно-правового регулирования (ст. 2 УК РФ) и необходимостью достижения целей предупреждения преступления, исправления осужденного и восстановления социальной справедливости (ст. 46 УК РФ). При этом в науке уголовного права, законодательстве и правоприменении уделяется большое внимание определению критериев соразмерности данных средств воздействия, принципам их назначения, особенностям применения, основаниям продления, изменения или отмены, критериям индивидуализации и дифференциации и т. д. В отношении же общеправовых последствий совершения преступления, которые также порождаются исключительно фактом совершения преступления и по своей сути являются правоограничительными мерами [8], т. е. могут быть оценены с точки зрения тяжести обременений и лишений, указанные параметры (основания, критерии, сроки и т. д.) не являются предметом научного обсуждения. Критерии выбора того либо иного запрета, соотнесения их с категориями преступления, сроки существова-

¹ Отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в связи с освобождением лица от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующему основанию, а равно прекращение уголовного преследования по нереабилитирующему основанию не влекут признания лица виновным или невиновным в совершении преступления. Принимаемое в таких случаях процессуальное решение не подменяет собой приговор суда и по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность подозреваемого или обвиняемого (подсудимого) в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции РФ. (См.: Постановление от 28 октября 1996 года № 18-П; определения от 2 ноября 2006 г. № 488-О, от 15 января 2008 г. № 292-О-О и др.), а констатирует факт прекращения уголовного преследования и отсутствие оснований для реабилитации лица. См.: По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р. М. Пахомова: поста-

новление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № 38-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451956/ (дата обращения: 17.08.2023).

ния таких правоограничений не разрабатываются, а законодатель, в свою очередь, устанавливает подобного рода запреты несистематизированно, ориентируясь на умозрительные обоснования.

При этом если сроки, размеры наказания и иных мер уголовно-правового характера, а также порядок их назначения и исполнения зачастую выступают в роли предмета судебного рассмотрения, то правовой статус общеправовых последствий не допускает какой-либо возможности лицу, в отношении которого они действуют, оспорить их содержание, срок действия, категорию деятельности, на которую они распространяются и т. д., в результате чего лица, совершившие преступления, фактически лишены права на доступ к правосудию, а нормы, содержащие данные правоограничения, довольно часто становятся предметом изучения Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ) на предмет их соответствия Конституции РФ¹, а в научных публикациях оцениваются как весьма спорные [9; 10; 11; 12; 13].

Методология

Анализ положений уголовного и отраслевого законодательства позволяет констатировать наличие разрозненных, несистематизированных попыток законодателя ограничить допуск лиц, обладающих общественной опасностью [14] вследствие факта совершения преступле-

ния в различных социально значимых сферах. В частности, нами было изучено более 40 нормативных актов федерального и регионального уровней, в которых устанавливались запреты и ограничения на занятие той либо иной деятельностью исключительно в связи с наличием факта совершения лицом преступления [15].

Конституционный суд Российской Федерации неоднократно вынужден рассматривать вопросы конституционности положений отдельных нормативных актов на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации в части обоснованности установления тех либо иных запретов (как правило, на осуществление трудовой деятельности (прохождении и поступлении на службу) либо получения разрешений на осуществление отдельных видов деятельности (обращение с оружием и т.д.)). Необходимо отметить, что в большинстве случаев КС РФ, по сути, вынужден частично оправдывать законодателя и прописывать дополнительно в своих решениях аргументы в пользу приемлемости того либо иного запрета, его содержания, сроков и т.д.

Количество вынесенных только за последние 10 лет решений КС РФ по данным вопросам (принятых к рассмотрению по существу) превышает 15. По сути, конституционность аналогичных правовых последствий совершения преступления оспариваются ежегодно и в значительной части из этих решений признается необходимость частичного изменения отраслевого законодательства. Несоответствие положений федерального законодательства Конституции РФ усматривается судом в различных аспектах. Например, недопустимость пожизненного запрета либо необходимость сбалансировать сроки ограничений (реализация пассивного избирательного права на участие в выборах), неприемлемость запрета как такового (запрет выступать в роли усыновителя), необходимость уравнивания оснований и вида судебного решения, играющего значе-

¹ По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части 1 статьи 10 и части 6 статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова: постановление Конституционного суда РФ от 10 окт. 2013 г. № 20-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153235/ (дата обращения: 28.07.2023).

ние для установления правоограничения и т. д. Учитывая расширение сферы применения подобного рода ограничений (например, запрет на работу водителем пассажирских автобусов либо в такси (ст. 328.1 ТК РФ)), очевидно, что оспариваемость данных норм будет только увеличиваться.

Результаты и их обсуждение

Верховный суд РФ в своем постановлении (2013 г.) в п. 4 указывает на то, что применение положений о деятельном раскаянии происходит «только в том случае, когда лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным»¹. Другие же основания освобождения от уголовной ответственности вообще не содержат такого требования, как утрата лицом общественной опасности. Не имеется таких требований и в случае освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в соответствии с примечаниями к статьям особенной части УК РФ. Данные примечания могут распространяться даже на тяжкие и особо тяжкие преступления, однако далеко не всегда будут рассматриваться как основание для дальнейших «общеправовых последствий». Соответственно, например, выплата судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) хоть и влечет за собой освобождение от уголовной ответственности, но имеет гораздо больше оснований для последующего применения «общеправовых ограничений». Однако фактически этого не происходит, поскольку положения ряда нормативных правовых актов содержат указания далеко не на все нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности. Например,

освобождение от уголовной ответственности в соответствии со ст. 76.1, 76.2 УК РФ не влечет общеправовых ограничений на дальнейшее прохождение службы в полиции и других органах внутренних дел РФ (далее – ОВД РФ) либо в органах принудительного исполнения РФ (далее – ОПИ РФ).

Кроме того, данные нормативные акты предусматривают и разные основания прекращения службы и основания, препятствующие поступлению на службу (в части применения нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности). Например, в соответствии с п. 4 ч. 5 ст. 17 Федерального закона о службе в ОВД (аналогичные положения содержатся и в Федеральном законе о службе в ОПИ РФ) лицо не может быть принято на службу в случаях, если он «подвергался уголовному преследованию, которое было прекращено в отношении его за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения, прекращенных не менее чем за три года до дня поступления на службу в органы внутренних дел), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием» (курсив наш. – Авт.)².

Данная норма вводит срок ограничения на поступление в ОВД (три года) после прекращения уголовных дел частного обвинения в связи с примирением сторон. В то время как сотрудники, проходящие службу в ОВД и совершившие в период прохождения службы преступление (например, предусмотренное ч. 1 ст. 116.1, ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ) и освобожденные от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, могут про-

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 28.07.2023).

² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ: [ред. от 10.07.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 28.07.2023).

должить службу без каких либо временных ограничений (п. 7 ч. 3 ст. 82).

В связи с этим возникает несколько закономерных замечаний.

Во-первых, почему законодатель рассматривает процессуальные положения о поводе для возбуждения уголовного дела (ст. 20 УПК РФ) в качестве критерия опасности лица для участия в соответствующей деятельности либо, говоря словами Конституционного суда РФ, показателя, «отражающего один из аспектов репутационных требований к сотрудникам органов принудительного исполнения»¹. Так, лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 139 УК РФ (менее тяжкое, чем ч. 1 ст. 115 УК РФ) будет считаться более опасным лишь на основании отсутствия данного состава в перечне, предусмотренном ч. 2 ст. 20 УПК РФ (в контексте запрета на дальнейшее прохождение службы в ОВД). При этом УК РФ содержит большое количество менее общественно опасных преступлений, однако не отнесенных к категории дел частного обвинения. В связи с чем лица, их совершившие и освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, будут находиться в неравном (т. е. худшем) положении, нежели лица, совершившие более тяжкие преступления, включенные в перечень ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

Логика выбора указанных составов имеет сугубо уголовно-процессуальное обоснование, состоящее в необходимости обеспечения прав и законных интересов

участвующих в уголовном судопроизводстве граждан [16], отсутствии сложности проведения предварительного расследования, собирании доказательств и т. д., а не в контексте уменьшенности общественной опасности деяния либо лица, его совершившего. При этом и сам перечень статей, попавших в содержание ч. 2 ст. 20 УПК РФ, также подвергается сомнению [17]. Кроме того, расследование по делам, отнесенным к категориям частного либо частно-публичного обвинения, также может быть инициировано прокурором, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. В таком случае деяние не меняет своей общественной опасности.

УПК РФ содержит и другие группы преступлений, производство по которым имеет свои особенности, например, ст. 150 УПК РФ определяет, по каким преступлениям будет проходить предварительное следствие, а по каким дознание (в некоторых случаях еще и сокращенное дознание гл. 32.1 УПК РФ). Данное деление имеет огромное количество особенностей, связанных в том числе и с принятием итоговых решений по делу и прекращением производства по нереабилитирующим основаниям. Однако все эти особенности не указывают на характер и степень общественной опасности совершенного деяния (т. к. это прерогатива материального уголовного права), а также не свидетельствуют о повышении или снижении общественной опасности лица, совершившего преступление. Соответственно, указанные процессуальные особенности сами по себе не должны оказывать влияния на различность дальнейших общеправовых правовых последствий, возникших в результате прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Во-вторых, почему срок три года после освобождения от уголовной ответ-

¹ По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р. М. Пахомова: постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № 38-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451956/ (дата обращения: 17.08.2023).

ственности влияет только на поступление на службу и не влияет на прекращение таковой? А также в связи с чем данный срок составил именно три года, а не два или пять?

Кроме того, обе данные нормы не препятствуют прохождению службы лицами, освобожденными от уголовной ответственности по схожим нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 76.1, 76.2 УК РФ. В целом выбор оснований освобождения от уголовной ответственности в качестве критерия введения либо невведения общеправового запрета представляется странным с учетом того, что КС РФ связывает допустимость таких ограничений исключительно с фактом совершения преступления, а не особенностями постпреступного поведения лица и иными факторами, повлиявшими на избранное судом основание освобождения его от уголовной ответственности. При этом именно факт совершения преступления, по мнению КС РФ, указывает на то, что в дальнейшем их «поведение и морально-нравственные качества могут свидетельствовать *о наличии угрозы* (курсив наш. – Авт.) для жизни, физического и психического здоровья, нравственности»¹ и другим объектам уголовно-правовой охраны.

В одном из недавних решений КС РФ², признавая законность установления

запрета на прохождение службы в органах принудительного исполнения, указал на то, что установленные в УК РФ нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 75–76.2 УК РФ) имеют (и должны иметь, по мнению КС РФ) различные правовые последствия в части установления данных «общеправовых запретов».

Исходя из материалов дела установлено, что лицо длительный период времени находилось на государственной службе, однако после изменения статуса и реорганизации данной структуры в 2020 г. было вынуждено вновь поступать на службу с учетом новых требований. Так как 19 лет назад (в 2001 г.) в отношении лица было принято решение *об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по делу частного обвинения* (ст. 115 УК РФ), ему было отказано в поступлении на службу. Пункт 3 ч. 1 ст. 14 ФЗ о службе в ОПИ РФ устанавливает основания прекращения или расторжения контракта, среди которых указано следующее: «...в связи с прекращением в отношении его уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием»³.

Однако если бы на тот момент было принято решение о прекращении уголовного дела по другому нереабилитиру-

¹ По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.07.2023).

² По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р. М. Пахомова: постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № 38-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451956/ (дата обращения: 17.08.2023).

³ О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 окт. 2019 г. № 328-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334479/ (дата обращения: 28.07.2023).

щему основанию, например, в связи с примирением с потерпевшим, то с учетом того, что ст. 115 УК РФ относится к категории дел частного обвинения, он мог бы быть принят на службу.

Анализируя положения отдельно взятого нормативного правового акта, КС РФ констатирует, что законодатель дифференцирует факты прекращения уголовных дел различных категорий по нереабилитирующим основаниям, исходя из своего видения того, как они отражают соответствие лиц по своим качествам требованиям, предъявляемым в силу специфики службы. При этом необходимо обратить внимание на то, что установление подобного рода запретов не предполагает со стороны работодателя никакого анализа характеристики личности лица, претендующего на замещение соответствующей должности.

Более того, КС РФ усматривает дополнительную разницу для правоограничений исходя из того, к какой из категорий дел (по характеру возникновения уголовно-процессуальных отношений) относится тот либо иной состав преступления. Так, примирение с потерпевшим в случае совершения преступления, отнесенного к делам частного обвинения (например, ч. 1 ст. 115 УК РФ), по мнению КС РФ, свидетельствует о меньшей степени опасности лица для участия в определенном виде деятельности, как основании установления правоограничений в сравнении с аналогичным примирением по делам частного-публичного либо публичного обвинения.

Определяя неконституционность установления безусловного и бессрочного запрета поступления на службу в органы принудительного исполнения для лиц, уголовное преследование которых по делам частного обвинения было прекращено в связи с деятельным раскаянием, КС РФ, по сути, согласился с правомочностью существования ограничения на срок три года для данной же категории лиц. При этом обоснования именно трехлетне-

го срока ограничения либо исключительности вышеописанного основания освобождения от уголовной ответственности по сравнению с другими основаниями по-прежнему не имеется.

Учитывая, что все нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности в первую очередь (применительно к рассматриваемому нами вопросу) констатируют факт совершения лицом преступления, и только в некоторых случаях могут свидетельствовать о снижении опасности лица для окружающих (например, в результате его правомерного постпреступного поведения (ст. 75 УК РФ)), следует уравнивать статус всех нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности для возникновения в дальнейшем «общеправовых последствий».

Таким образом, можно прийти к выводу, что основания устанавливаемых в отраслевых НПА ограничений, очевидно, носят в большей степени случайный характер и не отражают ни реальных потребностей в недопущении лиц, обладающих общественной опасностью применительно к какому-либо роду деятельности, ни реальных факторов, которые бы свидетельствовали о такой общественной опасности личности. Указанный подход представляется настолько противоречивым, ситуативным и нелогичным, что теряется не только привязка к целесообразности и справедливости используемого запрета, но и его обоснованности.

Используемые же в судебных решениях и научной литературе названия: «общеправовые последствия совершенного преступления», «общеправовые последствия судимости» и другие не меняют сути используемых средств правового воздействия. Порожденные исключительно фактом совершения преступления они остаются уголовно-правовыми мерами безопасности [18; 19].

Об этом свидетельствует, например, установление срока, в течение которого может действовать ограничение, хотя да-

же КС РФ не указывает на то, что истечение определенного промежутка времени может влиять на исчезновение общественной опасности лица, совершившего в прошлом преступление. Наоборот, КС РФ подтверждает законность практически пожизненного запрета осуществления педагогической либо воспитательной деятельности для лиц, совершивших преступления (ст. 331 ТК РФ) (за исключением возможности индивидуального оспаривания такого ограничения)¹.

Допустимым признается и пожизненный запрет на деятельность, связанную с оборотом оружия либо наркотических средств лицам, ранее совершившим преступления в указанных сферах, и тем самым проявившим свои общественно-опасные свойства². При этом в отношении иных видов деятельности и иных групп преступных деяний запрет на соответствующую деятельность имеет временный характер, напрямую зависящий от категории преступления (степени тяжести согласно ст. 15 УК РФ)³. Такая

связь времени запрета и тяжести совершенного деяния свидетельствует о том, что данный запрет в таком виде, как минимум, является своеобразным продолжением дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ) [20]. Если быть более точными, то общеправовое последствие, по сути, заменяет данный вид наказания, вводя не выборочный, а полный запрет на больший срок, большее количество видов деятельности без права на его отмену. В противном случае, т. е. при обусловленности его именно свойством общественной опасности лица, совершившего преступление, запрет должен был бы устанавливаться индивидуально в отношении каждого отдельно взятого лица после тщательного изучения его личности с возможностью его изменения.

Несомненно, что существующие (рассматриваемые) правоограничения и запреты имеют право на существование и являются необходимым элементом социального контроля в уголовно-правовой сфере. Однако разобщенность указанных мер, неопределенность их правовой природы, отсутствие единой системы критериев установления ограничений приводят к снижению их эффективности, вызывают проблемы у правоприменителя.

Так, КС РФ указывает, что объем условий, при которых может быть применено деятельное раскаяние, намного превышает требования к поведению обвиняемого, согласившегося на прекращение дела частного обвинения в связи с примирением сторон. Соответственно, если лицо, в отношении которого осу-

¹ По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149636/ (дата обращения: 28.07.2023).

² По делу о проверке конституционности положения части 10 статьи 13 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобами граждан Г. В. Белокриницкого и В. Н. Тетерина: постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2012 г. № 16-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132153/ (дата обращения: 28.07.2023).

³ По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части 1 статьи 10 и части 6 статьи 86 Уголов-

ного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова: постановление Конституционного суда РФ от 10 окт. 2013 г. № 20-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153235/ (дата обращения: 28.07.2023).

ществлялось уголовное преследование по делу частного обвинения, перестало быть общественно опасным (на данный факт не имеется никаких указаний в ст. 76 УК РФ либо ч. 2 ст. 20 УПК РФ), вследствие в том числе поведения после совершения преступления (включая заглаживание вреда, причиненного преступлением), и в отношении этого лица уголовное дело было прекращено в связи с деятельным раскаянием, то это не может влечь более строгих правовых последствий, нежели примирение сторон (которое, по общему правилу, хотя и предполагает заглаживание вреда, но не в качестве необходимого и обязательного условия) либо освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба или с назначением судебного штрафа (ст. 76.1 и 76.2 УК РФ), которое предполагает утрату общественной опасности и лицом, и совершенным им преступлением вследствие его позитивного поведения.

Признавая несоответствие (т. е. неконституционность) положений п. 4 ч. 4 ст. 17 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 17, 19 (ч. 1 и 2), 32 (ч. 4), 37 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой он устанавливает безусловный и бессрочный запрет поступления на службу в органы принудительного исполнения для лиц, уголовное преследование которых по делам частного обвинения было прекращено в связи с деятельным раскаянием, и ставит таких лиц в неравное положение с лицами, уголовное преследование которых по делам частного обвинения прекращено по другим нереабилитирующим основаниям. Фактически КС РФ указал на необходимость признания равенства всех оснований освобождения от уголовной ответственности (в контексте дел частного обвинения) применительно к возникновению последующих

правоограничений. При этом бессрочность установленного ограничения на прохождение службы в случае освобождения лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям по иным категориям дел (не частного обвинения) осталась вне рамок рассмотрения КС РФ и, соответственно, де-юре обособленной.

Логичным было бы предположить, что данное правило должно распространяться и на все иные категории дел и другие нереабилитирующие основания освобождения от ответственности, однако, исключительность, например, ст. 76.1 и 76.2 УК РФ, по-прежнему сохраняется на уровне федерального законодательства. Представляется, что при перечислении в рассматриваемых федеральных законах оснований отказа в приеме на службу либо оснований прекращения службы (при внесении изменений в ФЗ) не были учтены изменения, произошедшие в УК РФ, и невнесение в соответствующие нормы ст. 76.1 и 76.2 УК РФ являются лишь следствием технической ошибки. В частности, это может быть связано с тем, что включение данных норм в УК РФ происходило в 2016 г. после принятия ФЗ о службе в ОВД РФ (2012 г.) и других ФЗ, содержащих подобного рода ограничения.

Аналогичным образом указание в данных нормативных правовых актах на прекращение уголовных дел *в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым* предполагает фактически не применение положений ст. 76 УК РФ, а самостоятельное процессуальное основание прекращения уголовного производства по делам частного обвинения, которые не только возбуждаются, но и прекращаются по заявлению потерпевшего. Такое прекращение уголовного дела является сугубо процессуальной мерой и специально не предусмотрено нормами УК РФ в качестве именно основания освобождения от уголовной ответственности. Оно не требует выполнения всех требований,

предусмотренных ст. 76 УК РФ, а соответственно, сравнение их между собой является не вполне корректным. Об этом свидетельствует и установленный в рамках ч. 3 ст. 20 УПК РФ запрет на прекращение дел частного-публичного обвинения *в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (который носит сугубо процессуальное значение)*. Однако большое число дел частного-публичного обвинения подпадает под действие ст. 76 УК РФ. Исходя из судебной практики, данное предписание ч. 3 ст. 20 УПК РФ не является препятствием для освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим лиц, совершивших преступления, отнесенные к числу дел частного-публичного обвинения (например, ст. 116, 139, 159, 160 УК РФ и др.).

В результате КС РФ фактически вынужден в очередной раз каким-то образом обосновывать различия между данными основаниями освобождения от ответственности, чтобы оправдать существование ограничений второго порядка (общеправовых ограничений).

Выводы

Представляется, что подобного рода проблемные вопросы могли бы быть устранены из правовой практики при реализации следующих правотворческих инициатив.

Во-первых, путем официального признания и закрепления в УК РФ уголовно-правового статуса всех «общеправовых последствий совершения лицом преступления» (т. е. ограничений, содержащихся вне УК РФ, а в отраслевых НПА) для лиц, совершивших преступле-

ние, если они обусловлены исключительно фактом совершения преступления. Данная мера будет носить не только узкоюридический (отчасти технико-юридический) смысл, но и являться психологическим фактором общепредупредительного свойства. Так, осведомленность о существовании и неизбежности огромного количества последствий, не только в случае осуждения, но и при освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, несомненно, обладает сдерживающим эффектом. Кроме того, данная норма позволит исключить элемент неосведомленности субъекта обо всех правовых последствиях судимости либо освобождения его от уголовной ответственности на этапе дачи согласия об освобождении от уголовной ответственности.

Во-вторых, введением в УК РФ специального института, регулирующего общие правила применения указанных мер, а именно: 1) критерии их установления в отраслевых нормативных правовых актах; 2) сроки реализации; 3) категории лиц, на которые они распространяются; 4) обязательства лица, связанные с данными ограничениями и ответственность за их неисполнение позволит систематизировать данную сферу правоотношений.

В-третьих, закрепление за судом права отмены того либо иного запрета индивидуально, исходя из характеристики личности, потребностей его жизни и жизни его семьи и других обстоятельств. Например, если указанные ограничения не вызваны обстановкой либо влекут чрезмерные необоснованные тяготы и лишения для такого лица и его близких.

Список литературы

1. Елинский А. В. Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. 2011. № 6. С. 106–113.
2. Габдрахманов Ф. В. Общеправовые последствия судимости и их классификация // Марийский юридический вестник. 2012. № 9. С. 155–171.

3. Архенгольц И. А. Судимость и ее общеправовые последствия: монография. Казань: Бук, 2020. 172 с.
4. Ревнов Б. А. Отдельные особенности общеправовых последствий судимости // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 108–113.
5. Давитадзе М. Д. Уголовно-правовые последствия судимости // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 82–84.
6. Маликов Б. З., Биккинин И. А. Особенность общеправовых последствий судимости // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2021. № 2(42). С. 102–107. <https://doi.org/10.36684/chesu-2021-42-2-102-107>.
7. Нечепуренко А. А. Пределы правоограничений, устанавливаемых для лиц, совершивших преступления // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1(2). С. 314–325.
8. Голубев К. С., Шкеле М. В. Общеправовые последствия судимости в Российской Федерации // Уголовное право: проблемы, тенденции, перспективы: сборник научных статей. СПб.: С.-Петербург. гос. экон. ун-т, 2015. С. 38–42.
9. Елинский А. В. Неуголовно-правовые последствия прежней судимости в свете решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2010. № 7(163). С. 78–84.
10. Щедрин Н. В., Франкевич М. Унификация профессиональных запретов // Законность. 2008. № 3. С. 16–20.
11. Щур-Труханович Л. В., Щур Д. Л. Пожизненный запрет лицам с преступным прошлым на работу с детьми: анализ содержания, оценка соразмерности и рекомендации по совершению юридических действий // Кадры предприятия. 2011. № 2.
12. Давитадзе М. Д. Уголовно-правовые последствия судимости // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 82–84.
13. Габдрахманов Ф. В. Действие последствий судимости во времени и их классификация // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 241–246.
14. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии) / отв. ред. д.ю.н., проф. А. Л. Ременсон. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. 278 с.
15. Карпов К. Н. Систематизация «общеправовых» последствий совершения преступления как средств социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1(37). С. 170–177.
16. Дикарев И. С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 73–78.
17. Струкова В. В. Обоснованно ли расширение такой категории дел, как дела частного обвинения? // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 13–17.
18. Щедрин Н. В. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4(31). С. 26–35.
19. Васильев Д. С. Место постпенитенциарных мер безопасности в системе мер безопасности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 15, № 3. С. 108–111.
20. Архенгольц И. А. О соотношении судимости и наказания в виде запрета замещать определенные должности и заниматься определенной деятельностью // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 5(95). С. 63–65.

References

1. Elinskij A. V. Obshchepравovye posledstviya ugovnogo osuzhdeniya: konstitucionno dopustimye predely [General legal consequences of a criminal conviction: constitutionally permissible limits]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2011, no. 6, pp. 106–113.
2. Gabdrahmanov F. V. Obshchepравovye posledstviya sudimosti i ih klassifikaciya [General legal consequences of a criminal record and their classification]. *Marijskij yuridicheskij vestnik = Mari Legal Bulletin*, 2012, no. 9, pp. 155–171.
3. Arhengol'c I. A. Sudimost' i ee obshchepравovye posledstviya [Criminal record and its general legal consequences]. Kazan', Buk Publ., 2020. 172 p.
4. Revnov B. A. Otdel'nye osobennosti obshchepравovykh posledstvij sudimosti [Separate features of the general legal consequences of a criminal record]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal science: history and modernity*, 2016, no. 5, pp. 108–113.
5. Davitadze M. D. Ugolovno-pravovye posledstviya sudimosti [Criminal-legal consequences of a criminal record]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4, pp. 82–84.
6. Malikov B. Z., Bikinin I. A. Osobennost' obshchepравovykh posledstvij sudimosti [The peculiarity of the general legal consequences of a criminal record]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Kadyrova = Bulletin of the Chechen State University named after A. A. Kadyrov*, 2021, no. 2(42), pp. 102–107. <https://doi.org/10.36684/chesu-2021-42-2-102-107>
7. Nechepurenko A. A. Predely pravoogranichenij, ustanavlivaemyh dlya lic, sovershivshih prestupleniya [Limits of legal restrictions established for persons who have committed crimes]. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal = Russian Deviantological Journal*, 2021, no. 1(2), pp. 314–325.
8. Golubev K. S., Shkele M. V. Obshchepравovye posledstviya sudimosti v Rossijskoj Federacii [General legal consequences of a criminal record in the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo: problemy, tendencii, perspektivy. Sbornik nauchnykh statej* [Criminal law: problems, trends, prospects. Collection of scientific articles]. St. Petersburg, S.-Peterb. St. Univ. of Economics Publ., 2015, pp. 38–42.
9. Elinskij A. V. Neugolovno-pravovye posledstviya prezhnej sudimosti v svete reshenij Konstitucionnogo Suda RF [Non-criminal and legal consequences of a previous criminal record in the light of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2010, no. 7(163), pp. 78–84.
10. Shchedrin N. V., Franskevich M. Unifikaciya professional'nyh zapretov [Unification of professional prohibitions]. *Zakonnost' = Legality*, 2008, no. 3, pp. 16–20.
11. Shchur-Truhanovich L. V., Shchur D. L. Pozhiznennyj zapret licam s prestupnym proshlym na rabotu s det'mi: analiz soderzhaniya, ocenka sorazmernosti i rekomendacii po soversheniyu yuridicheskikh dejstvij [Lifetime ban on persons with a criminal past to work with children: content analysis, proportionality assessment and recommendations for legal actions. Personnel of the enterprise]. *Kadry predpriyatiya = Personnel of the enterprise*, 2011, no. 2.
12. Davitadze M. D. Ugolovno-pravovye posledstviya sudimosti [Criminal-legal consequences of a criminal record]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii Bulletin of the = Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4, pp. 82–84.
13. Gabdrahmanov F. V. Dejstvie posledstvij sudimosti vo vremeni i ih klassifikaciya [The effect of the consequences of a criminal record in time and their classification]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual problems of economics and law*, 2013, no. 4, pp. 241–246.
14. Filimonov V. D. Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika (predposylki, soderzhanie, kriterii) [Public danger of the criminal's personality (prerequisites, content, criteria)]; ed. by A. L. Remenson. Tomsk, Tomsk. Univ. Publ., 1970. 278 p.

15. Karpov K. N. Sistematizaciya "obshchepravovyh" posledstvij soversheniya prestupleniya kak sredstv social'nogo kontrolya za licami, sovershivshimi prestuplenie [Systematization of the "general legal" consequences of committing a crime as a means of social control over persons who have committed a crime]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1(37), pp. 170–177.

16. Dikarev I. S. Princip dispozitivnosti v уголовном процессе России [The principle of dispositivity in the criminal process of Russia]. *Zhurnal Rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2008, no. 6, pp. 73–78.

17. Strukova V. V. Obosnovanno li rasshirenie takoj kategorii del, kak dela chastnogo obvineniya? [Is it justified to expand such a category of cases as cases of private prosecution?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*, 2011, no. 1, pp. 13–17.

18. Shchedrin N. V. Konceptual'no-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti [Conceptual and theoretical foundations of legal regulation and application of security measures]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2013, no. 4(31), pp. 26–35.

19. Vasilev D. S. Mesto postpenitenciarnyh mer bezopasnosti v sisteme mer bezopasnosti [The place of post-emergency security measures in the system of security measures]. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Dagestan State University*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 108–111.

20. Arhengolts I. A. O sootnoshenii sudimosti i nakazaniya v vide zapreta zameshchat' opredelennye dolzhnosti i zanimat'sya opredelennoj deyatel'nost'yu [About the ratio of criminal record and punishment in the form of a ban to fill certain positions and engage in certain activities]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*, 2016, no. 5(95), pp. 63–65.

Информация об авторах / Information about the Authors

Карпов Кирилл Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация, e-mail: kkn83@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5220-0571

Kirill N. Karpov, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Doctoral Student of the Research Department, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation, e-mail: kkn83@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5220-0571

Нечепуренко Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, начальник редакционно-издательского отдела, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация, e-mail: nechepurenko_oma@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8666-0509

Alexey A. Nechepurenko, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Head of the editorial and publishing department, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation, e-mail: nechepurenko_oma@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8666-0509